

В Е Р А Калачкава

Раскройте объятия
друг другу!

Злодейка-
любовь!

или
Зов Сирены

Вера Александровна Колочкова
Зов Сирены
Серия «Секреты женского счастья»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19926099
Зов Сирены: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-90098-5

Аннотация

Берегитесь женщин, разбивающих сердца! Да, они красивы и соблазнительны, а их ласки прекрасны... Прекрасны и опасны, как песни Сирен. К сожалению, это не сразу понял Митя – положительный во всех отношениях парень, надежный и пылкий. Его новая любовь, Вика, как настоящая искусительница, коварна и безжалостна. Словно мифическая Сирена, она удерживает его в своих объятиях крепко и уверенно, обещает рай... Но не окажется ли ее рай адом? Или все же у Мити есть еще возможность спастись?..

Вера Колочкова

Зов Сирены

© Колочкова В., 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Был я столько раз так больно ранен,
Добираясь до дому ползком,
Но не только злобой протаранен –
Можно ранить даже лепестком.
Ранил я и сам – совсем невольно
Нежностью небрежной на ходу,
А кому-то после было больно,
Словно босиком ходить по льду.*

Евгений Евтушенко

Анна стояла у окна, смотрела, как Митя идет по двору к машине. Как старательно обходит лужи, коварно занесенные желтыми кленовыми листьями; сама вчера, не учуяв коварства, угодила замшевой туфлей в лужу. Пропали туфли, зараза. Очень уж ловкие были, учительские. Сочетали в себе удобство и достоинство. Весь день рыскаешь по школе, потом в транспорте пять остановок едешь, потом еще в магазин, и ноги – хоть бы хны... Жалко, да. Это еще по-

искать надо такие, постараться... Хотя чего она о туфлях! Бог с ними, с туфлями. Всегда почему-то в голову спасительная ерунда лезет, отгоняя тревожные мысли. Вот бы хорошо было и впрямь их отогнать... Не смотреть на Митю в окно, не вздыхать, не думать...

Спина у Мити была напряженной. И в том, как он обходил коварные лужи с листьями, тоже чувствовалось напряжение излишней тщательности. Подошел к машине, открыл дверь, тяжело плюхнулся на водительское сиденье. Даже рукой не махнул привычно, хотя наверняка знает, что она стоит у окна.

Пропадает парень. Пропадает ни за грош, ни за копейку, пропадает на ровном месте. И ничем любимому пасынку не поможешь, можно только смотреть в окно да вздыхать. Беда, беда...

Какое, кстати, слово грубое – пасынок. И звучит отвратительно, как небрежное восклицание: па-сынок... Будто ударное «па» нагло плюет в лицо безысходностью – отделяй, дорогая, мух от котлет! Если не рожала, то и нечего к материнству привязываться! Хотя «мачеха» тоже звучит не сахарком и не белым хлебушком... Хлестко звучит, как пощечина. Мол, наизнанку честно любящим сердцем вывернись, а выше головы не прыгнешь. Злые слова, несправедливые, неправильные.

– Что, Митька ушел? Я слышал, как дверь хлопнула...

Анна ответила не сразу, будто не слышала. Проводила гла-

зами выезжающую со двора Митину машину, откликнулась тихо:

– Да, Паш, ушел... Уехал только что...

И обернулась к мужу. Тот стоял в дверях кухни, потирал сонную вмятину на щеке, глядел страдальчески и в то же время с некой претензией на недовольство. Да, появился у него последнее время этот капризный промельк во взгляде... Будто она была во всем виновата. А может, и не было ничего такого, может, ей показалось. Пашу тоже можно понять – едва выкарабкался из предынфарктного состояния, а тут еще из-за сына переживай...

– Куда он поехал?

– К Денису.

– Чего ему там, у Дениса, медом намазано? У него, между прочим, дом есть... Вон комната своя... Зачем ты его отпустила?

– Ну, знаешь... Он не ребенок, чтобы его дома под юбкой удерживать. Он состоявшийся мужик.

– Да какой там состоявшийся! В чем состоявшийся? В том, что жену с ребенком бросил? Что с шалавой какой-то связался? И кому он чего доказал?

– Он никому ничего не доказывал, Паш. Он просто влюбился.

– Влюбился? И чем ему Ксюша плоха была, что он в шалаву влюбился?

– Значит, не получилось с Ксюшей. Значит, разлюбил.

Или вообще не любил. Это не наше дело, Паша. Слишком тонкие материи, чтобы мы с тобой сейчас походя о них рассуждали.

– И все-таки? Вроде они любили друг друга! Если б не любили, не женились бы!

– Нет, Паша, не все так просто. Я думаю, Ксюша нашего Митьку сразу не любила.

– Вот те раз... А зачем тогда замуж шла?

– Ну... Потому что наш Митя такой... Комфортный, что ли... Многие женщины по этому принципу замуж выходят, искренне полагая, что любовь тут совсем не обязательна. А что? Митя добрый, покладистый, без вредных привычек... И внешне вполне себе симпатичный, и ростом высок, и сложен хорошо... Я думаю, он искренне Ксюшу любил, когда предложение делал. А как иначе? Мальчик, выросший в более-менее благополучной семье, всегда и все делает искренне, без оглядки на «вдруг не получится». Откуда у него эта оглядка возьмется? Все ж по плану – сначала счастливое детство, потом сразу институт, как сам само собой разумеющееся... А в институте поджидает судьба в образе девочки-студенточки, и тоже из хорошей семьи, и со своей установкой из этой семьи – пока учишься, мол, надо обязательно за хорошего мальчика замуж выйти, иначе потом не успеешь, разберут хороших, одна останешься...

– Ну... И что в этом плохого, не понимаю?

– Да ничего плохого, Паш. Разве я о плохом? Я ж о дру-

гом... Чего ты раздражаешься и меня перебиваешь?

– Извини, я не хотел. Ну, и что?

– А то... Вот они начинают встречаться, хороший мальчик и хорошая девочка. И все вроде бы замечательно – лекции, кафе, прогулки, да плюс немного плотской любви, пока родители на даче... Но однажды беззаботная студенческая любовь упирается в девочкино как снег на голову: так люблю тебя, что замуж хочу и ребеночка от тебя хочу... И что остается доброму, честному и благородному мальчику? А ничего и не остается, как с головой окунуться в это «люблю, замуж, ребеночка». Нет, я не говорю, что это плохо! Все это прекрасно, конечно же, но... Жизнь все равно свое берет, раскладывает по полочкам. В общем, потом все получается, как получается, резко и вдруг. Как гром среди ясного неба. Или опять же как снег на голову.

– Ну да... Эта Вика и явилась как гром среди ясного неба. Шалава... И откуда она только взялась? Говорил, говорил я ему! Но разве кто родителей слушает? Теперь болтается, как... Цветок в проруби... И ни там, и ни сям! Жил бы тогда с нами, чего по друзьям шататься! Мы ж ему не враги! Что уж теперь-то, после драки кулаками махать!

– Он не будет здесь жить, Паш.

– Да почему?!

– Потому что ему стыдно. Он же тоже... Все чувствует. И твой настрой чувствует.

– Хм... И какой же мой настрой, интересно?

– Настрой на неприятие и досаду, вот какой. Мите и самому от себя несладко, ты пойми... Он не хочет нас обременять...

– Ага. Натворил делов, а теперь – не хочет обременять. Забавно. Погоди, погоди... Еще пару деньков продержится и опять к этой шалаве побежит, поджав хвост... Заколдовала она его, что ли? Говорят, у нынешних девок модно по колдуньям да по знахаркам бегать. А наш и рад стараться, бежит. Куда наколдовали, туда и бежит. К шалаве! Как будто сам собой не управляет! Стыд смотреть.

– Паша, уймись. Прекрати, пожалуйста, я этого слушать не могу. Как ты можешь? Он же твой сын. Комментировать беду все умеют, для этого много ума не надо. Пусть чужие и комментируют, а тебе нельзя. Ты ему не чужой, ты отец.

– А я что? Я ничего... Просто мне больно, Ань. Очень больно. И за Митьку обидно. Ты пойми...

– Да я понимаю, Паш, понимаю. Ладно, прости. Не надо так нервничать, тебе нельзя. Чаю хочешь?

– Хочу...

И опять ей слышались капризные нотки в этом недовольном «хочу». И даже то, как Паша садился за кухонный стол, держась рукой за левый бок, и как старался «твердеть лицом», будто бы не давая ему отобразить происходящей в боку сердечной боли, казалось ей слегка нарочитым и чересчур выпуклым. А впрочем... Конечно, она не права. Устала, расстроена, раздражена. Тем более тема перенесен-

ного Пашей инфаркта в доме не изжита, хотя пора уже... И по медицине, и по психофизике...

Анна двигалась по кухне тихо, привычно. Заварила «сердечный» травяной чай, вдохнула знакомый аромат мелиссы, календулы и чуть-чуть солодки. Тот, конечно, еще ароматец... Не особо вдохновляющий. Но за компанию с Пашей сойдет. Может, после мелиссы удастся заснуть быстрее.

Павел глотнул из своей чашки, вздохнул тяжело, смиряясь с необходимостью пить «эту гадость». И устоялся поверх ее головы в заплывающее сумерками окно. Что ж, понятно. Супружеская беседа за вечерним чаепитием на этом иссякла. Да и бог с ней... Да и о чем еще? Все уже переговорено, перебеседовано и пережевано. И ничего этими беседами нельзя изменить... Ладно. Так даже лучше. Помолчим.

Анна поискала глазами пульт, собираясь включить телевизор, пристроившийся в простенке между «парадными» посудными полками – в маленьком кухонном пространстве другого места ему не нашлось. Куда ж она сунула этот дурацкий пульт? Вечно в руки лезет, когда не надо! А когда надо...

– Не включай, Ань. И без того тошно.

– Хорошо... Как скажешь.

– Ань, вот ты мне ответь... Почему он такой, наш Митька? Почему он перед этой шалавой не устоял? Ну, погулял бы на стороне, если уж так приспичило... Зачем семью-то ломать?

– Он не виноват, Паш. Так получилось.

– Не виноват, не виноват! Вечно ты его защищаешь! Что бы ни сделал – не виноват... Нет, ты скажи, а другие как? Почему, к примеру, я такой не был? Должна же быть у мужика ответственность за свои поступки! Когда его мать умерла, мне тоже тридцать было, как и ему сейчас... Но я ж только о нем и думал! Чтобы ему хорошо было, да как он без матери, да не дай бог обездолю... Да чтобы с мачехой не прогадать...

– Значит, ты меня, как женскую, отдельно взятую личность, совсем в расчет не брал, да? – спросила полушутливо, но и с явно обиженной нотой в голосе. – Только для Мити старался, да?

– Ой, да прекрати, Ань... – сердито, по-бабьи махнул рукой Павел. – Ну что ты опять ерунду несешь?.. Сама прекрасно знаешь, что это не так! Вы же с Олей, Митькиной матерью, ближайшие подруги были, ближе некуда... Сестры почти... Тем более Митька тебя с рождения знает... На ком я еще должен был жениться?

– Ну сам же сказал – боялся с мачехой прогадать... Значит, были варианты?

– Да мало ли, что я сказал! Не придирайся к словам. Я ж не о том... Нет, а ты что, серьезно? Ты что, правда обиделась?

– Ну... – неопределенно пожала она плечами, прокручивая в пальцах пустую чайную чашку.

– О господи... Этого еще не хватало. Прекрати, Ань! Пре-

крати немедленно, слышишь? Тоже нашла время...

– При чем тут время или не время, Паш?

– Ну да. Это я не подумав ляпнул, извини. И остальное – тоже... Не бери в голову, Ань. И не думай даже. Митька тебе настоящий сын, давно все грани стерлись! Двадцать пять лет прошло! И ты была ему настоящей матерью... Была и есть... Да он тебя больше любит, чем меня! И я тебя тоже люблю... Тем более ты такая красавица... Была и есть...

– И тем не менее, Паша! Следи за своими словами, хорошо? Как говорит один мой знакомый пятиклассник – фильтруй базар, дяденька.

– Хорошо, Ань. Я понял. Я... Да, я буду фильтровать. Извини...

Анна мотнула головой – слегка, едва заметно. Можно было по-всякому растолковать ее жест – и как принятие извинения, и как обиженную задумчивость. Встала из-за стола, подошла к окну, сплетя руки под грудью. Боже, как грустно все... Двадцать пять лет! Как быстро пролетело время! Можно серебряную свадьбу играть... А что? Можно было бы и сыграть, если бы не грустные семейные обстоятельства...

Она вдруг четко разглядела в темнеющем окне свое отражение. Мягкие, но хорошо выраженные черты лица, вздернутый вверх подбородок, твердая линия губ, строгая прическа училки, волосок к волоску, никаких легкомысленных вольностей. Хорошее отражение, пусть и обманное, растущее лъстивыми сумерками. Как сейчас Паша сказал?

Ты такая красавица, мол, была и есть? Что ж... Ладно. Так и будем считать. И не будем добавлять – даже мысленно! – к слову «красавица» пресловутого придатка «стареющая». Потому что если добавлять, то придаток всю «красавицу» на себя перетянет, и сразу бросится в глаза то, чему бросаться не надо – и противная возрастная огрузлость, и руки, некрасиво налитые и тоже огрузлые, и плечи, и грудь... Ну, и талия, само собой. Никак не спрячешь этот неизбежный переход плавных женских линий к мужскому типу фигуры, будь он неладен. Засада, природный подвох. Нет уж, остановимся лучше на «красавице». Как говаривал незабвенный сатирик Аркадий Райкин: «Если меня в тихом месте прислонить к теплой стенке...» Да и зачем терзать лишними наблюдениями самооценку? Нельзя, нельзя. Вредно в ее возрасте...

Тем более нечего судьбу гневить, старость ее действительно пока жалеет. Подкрадывается, конечно, но весьма деликатно, почти дружески. Извини, мол, я тут должна чуть-чуть поработать... Переделать кое-где, внести небольшие правки, сама понимаешь. В межбровье глубокую морщинку изладить, пару лишних «гусиных лапок» подрисовать... Ну и в щеки чуть-чуть вялости, серой бледности... Вот и все, и хватит пока. Живи. Не обижайся, но по-другому нельзя. С другими-то я не деликатничаю, между прочим. На других отрываюсь так, что мама не горюй. А с тобою вон миндальничаю. Она и не обижалась. Наоборот, приучала себя прини-

мать внешние изменения с благодарностью. А куда деваться? Со старостью и впрямь дружить надо. Не шарахаться от нее в ужасе, а впускать в себя гостеприимно, привыкать мало-помалу. Хотя... Наверное, это все самоуспокоение... Как в той пугачевской разухабистой песенке: «Ты давился и икал, мал-помалу привыкал...»

– Ань... Ну что ты, ей-богу...

– М-м-м?..

– Все еще сердишься, что ли?

– Да бог с тобой... Ерунда какая. Я уж забыла...

– А о чем думаешь?

– Да так...

– А я вот все думаю, Ань, как Митьке помочь... И не понимаю, хоть убей, как так получилось, что он голову потерял из-за этой... Этой... На «шалаву» ты обижаешься, а другого слова не могу подобрать! Нет, было бы из-за кого страдать, а? Ни кожи ни рожи, натура чисто стервозная... А вот по-ди ж ты! И откуда они берутся, такие? Ей-богу, собрал бы всех и к стенке поставил!

– Ну, сразу и к стенке... Ишь разошелся. Знаешь, как мой дед говорил? Каждой бабьей натуре свое место, свой мужик и свое занятие еще до рождения определены... Сколько на земле хороших и плохих занятий, столько и баб. Ни одно место пустым не бывает. Кому место гетеры, кому злой сирены, кому доброй семейной матроны...

– Да? Ну тогда называй все вещи своими именами, чего

уж теперь! Не сирена и гетера, а стерва и проститутка! Тоже мне, развела романтизм! Вечно ты все приглаживаешь да по-книжному причесываешь!

– Нет, Паш, я не романизирую и уж тем более не причесываю. Ты же знаешь, я не люблю хамоватых выражений. Да и не обо мне сейчас речь... Я просто пытаюсь тебе объяснить, к чему нам надо готовиться, чего от этой Вики дальше ждать. Или, наоборот, не ждать... А если эта владычица морская нашего Митю в качестве мужа к себе приспособить захочет? Чтоб служил у нее на посылках?

– Да не дай бог...

– Так и я о том же. Надеюсь, тебе не надо объяснять, что сирена никогда в матрону не превратится, потому как в нее изначально другие страсти вложены. У сирены конечная задача – зазвать и уничтожить, разжевать острыми зубками и выплюнуть... На то ей природой и власть дана. И нашего бедного Митеньку как раз и угораздило в эту власть по уши вляпаться. Потому что эта Вика – она не просто сирена, а всем сиренам сирена, самая что ни на есть махровая сирена. Сирена с большой буквы.

– Да не надо мне объяснять, Ань, я и сам все понимаю! От этого же не легче! Нет, как он так вляпался, а? Вроде бы никогда тряпкой не был... И подкаблучником не был...

– Да, не был. Но сиренам как раз подкаблучники и тряпки неинтересны, слишком легкая добыча. Кстати, ты знаешь, как она Митю называет?

– Как?

– Тряпка Тряпкин... Я случайно услышала. Позвонила ему, когда сирена в гневе была. Голос у Митьки, конечно, тоже в этот момент ужасно свирепым был, я даже не узнала, испугалась... Разговаривать не смогла.

– Ну, это уж... Ни в какие ворота! Какой еще Тряпкин!

– Я думаю, Паш, это у нее такая обидная ассоциация на имя и фамилию, звучит слишком уж мягко – Митя Никитин. Это нам подобная мягкость нравится, а ей – кость поперек горла.

– Ну, могла бы Димой называть...

– Да. Могла бы. Но что сделаешь – такие у сирен игрища.

– И все равно мой сын не тряпка. Я же знаю.

– Успокойся, Паш... Чего ты так разволновался? Ну знаешь и знаешь... И я знаю...

– А что тогда делать? Молча смотреть на все это безобразие? Как сын пропадает под бабьей дурной властью, как голыми пятками по угольям скачет? Он же на глазах тает, как свечка, разве не видно? И мы ничем не можем ему помочь?

– Ничем, Паш. Он сам должен. Обязательно должен пройти через все это до конца, до самого дна. Ничего нельзя сделать.

– Хм... Ну, это ты так думаешь... А если я поговорю с ним очень серьезно, по-мужски? Мы ведь никогда в его личную жизнь напролом не вмешивались... И про эту, как бишь

ее там, сирену-гетеру, тоже поговорю, назову вещи своими именами?

– Можно подумать, он без тебя всех этих имен не знает, ага... Нет, Паш, не надо. Говорю же, Митька и сам себе не рад...

– Но попытаться-то можно!

– Нет... Сделаешь только хуже и себе, и ему. Он еще больше сам себя презирать будет, а ты разнервничаешься, сердце разбередишь. Нельзя тебе, Паш... Это же опять больница...

Павел вздохнул, вяло махнул рукой, уставился в темное окно, горестно поджав губы. Потом проговорил со скулящими бабьими нотками в голосе:

– Ну почему... Почему именно Митька... Все ж было нормально, жил себе и жил... Жена Ксюша, дочка Маечка... Почему именно Митька, Ань?!

– Не знаю, Паша. Я тоже над этим думала, думала... И ничего хорошего не придумала. Наверное, и мы в чем-то виноваты. Наверное, слишком его любили, иммунитета не дали... Вот говорят, это очень плохо, когда ребенок родителями недолюблен, он якобы всю жизнь потом любовь выслуживает. Но зато он всегда искреннюю любовь учует, и оценит, и лелеять ее будет, как величайшую драгоценность. А наш... Он не страдал от недостатка любви, как другие. А любимые дети слишком самоуверенны, они считают, что все их должны любить одинаково сильно, и потому становятся для разного рода манипуляторов легкой добычей. Таких обычно

и ловят на удочку, они доверчиво идут на голос коварной сирены... И пропадают в чужой властности, годами выбраться из нее не могут. Хотя да, по природе натуры сильные, а не могут...

– То есть ты хочешь сказать... Все равно бы он к этой Вике в лапы попался? У него не было выбора?

– Да при чем тут Вика... Я же вообще говорю. Власть может взять кто угодно, не обязательно женщина. Есть такие люди, особо до власти жадные. Потрошители доверчивых душенек. Поджидают свою жертву в засаде, как пауки. Не разглядишь этого паука, такое у него обличье бывает ангельское.

– Да... Может, ты и права... Мы с Митькой всегда носились... Не баловали, а именно носились, боялись любви недодать. Особенно когда Оля умерла... Помнишь?

– Да, Паш. Помню, конечно...

Еще бы ей не помнить. С Олей они крепко дружили, хоть и были характерами не схожи. Оля была как нежный цветок орхидея, могла жить только в теплом пространстве, в любви, в ухоженности... Все время хотелось ее защитить. И Паша тоже, помнится, смелым рыцарем Ланселотом в качестве Олиного мужа себя ощущал. А только не уберегли орхидею, не уберегли... Сгорела Оленька, как свечка, в своей поздно обнаруженной четвертой стадии, даже и сама толком ничего не поняла. Когда ее из клиники после никчемной операции домой выписали, глядела на всех удивленными глазами,

будто спрашивала – ведь этого не может быть, правда? Паша, Аня, ведь правда? И как же Митя? Он маленький еще... Нет, этого не может быть...

Когда Олю похоронили, ей пришлось встать у штурвала этого семейного корабля. Нет, не было тогда в голове ни одной потенциально матримониальной мыслишки относительно вдового Паши, не было! Тем более Паша прекрасно знал про ее тяжкие и горько-сердечные обстоятельства... Про эту многолетнюю окаянную связь... Знать-то знал, но в один прекрасный момент взял и попросил – не бросай нас, Ань. Может, что-то получится? Тем более ты Митьке крестная мать. Он тебя любит, он больше никого к себе не подпустит...

А что было делать? Конечно, не бросила. Видимо, ее величество судьба так распорядилась – одним способом два узла развязать, и Пашин с Митькой, и ее. А может, не развязать, а наоборот, крепко связать на долгие годы. Не самые плохие, между прочим, годы...

Конечно, можно ее упрекнуть – а как же без любви-то? Но с другой стороны – что она такое есть, эта любовь?.. Ну ее к лешему. Женщина вообще может полюбить того, кого надо. Кого судьба преподнесет на блюдечке с голубой каемочкой и пальчиком пригрозит: на, мол, это твое, и не выкаблучивайся страстями. Мало тебе было страстей? Не намучилась еще? Ну вот...

Так она Пашу и полюбила. Пришлось полюбить – в са-

мом хорошем смысле этого слова. Потому что выхода другого не было. Ни для кого не было выхода – ни для Паши, ни для Мити. Тем более для нее. Иногда в нормальную жизнь открывается только один выход. Или иди в него, или сгинь в собственных сердечных страстях к чертовой матери. А сгинуть ей не хотелось. Жить хотелось, судьбы женской хотелось, крестника любимого растить...

Паша вздохнул, поморщился, снова потер ладонью бок.

– Что, болит? – спросила тревожно участливо.

– Ну, не так чтобы... Просто маетно как-то. Душа больше болит, чем сердце.

– Ну, это понятно... А ты отвлекись на что-нибудь, Паш. Если все время об этом думать, с ума можно сойти.

– Ладно... Пойду, что ли, футбол посмотрю. И ты тоже... Не думай. Иди спать пораньше ложись.

– Да, хотелось бы мне выспаться. Тем более завтра тяжелый день.

– Вот и иди...

– Иду, Паша, иду. Сейчас, только посуду помою.

– Иди, я сам с посудой разберусь.

– Хорошо...

Уснуть пораньше, конечно же, не получилось. Анна лежала под одеялом, слушала прилетающее из гостиной бормотание футбольного комментатора, изредка перемежаемое криками-всплесками, снова видела перед собой грустное, опрокинутое стыдливой печалью Митькино лицо...

Митя, Митя. Как же тебе помочь, сынок? И почему ты сам не хочешь себе помочь, даже не пытаешься? Увяз коготками в дурных обстоятельствах, как та птичка... Даже об отце не думаешь! Ты посмотри, как он сдал... Эх, Митька, Митька!

Анна вздохнула тяжело, а на выдохе сама себя одернула — хватит злиться и досадовать. Нельзя. Даже в мыслях нельзя. Она ж не сирена злобная какая-нибудь... И не гетера... Тем более Митьку понимает прекрасно. Сама когда-то... Но выбралась же, сумела...

* * *

Казалось, в сумерках город совсем проваливается в желтизну. Желтые листья, желтые окна домов, желтые облака, подсвеченные последними закатными сполохами. Жидкий лимонный свет фонарей. И голос Розенбаума из динамиков дополняет общий фон простыми и гениальными блюзовыми нотками: «...На ковре из желтых листьев в платице простом...»

Так бы ехать и ехать. И не приезжать никуда. Никогда. Пропасть в этой желтизне ко всем чертям. Кружить, кружить по городу... И слушать любимый канал. Еще бы телефон выбросить и не ждать звонка. А что? Очень даже просто — протянуть руку, взять его с сиденья, открыть окно и выбросить. И пусть Вика звонит... В никуда... Возмущается недоступ-

ностью абонента...

Митя вздохнул, усмехнулся грустно: чего зря мечтать? Никуда он свой телефон не выбросит. И будет кружить по городу еще долго. И Вика сегодня не позвонит. И все равно придется к Дэну ехать.

А ведь неохота к Дэну. Что там – у Дэна? Холостяцкая берлога. Две комнаты, два дивана, один телевизор, холодильник с однообразным набором продуктов – консервы, сыр, колбаса. Иногда Дэн пытается что-то стряпать, мучается ответственностью хозяина. Три дня назад супчик с макаронами сварил, ужасно собой гордился. Правда, они его не съели, пришлось в унитаз вылить – не пошел как-то. Этим кулинарным покушением Дэн и удовлетворился, слава богу. Тем более заказную пиццу еще никто не отменял.

И как же хорошо, что есть Дэн. Меланхолик, молчун, не задающий лишних вопросов. Такой удобный и привычный, что можно его вообще не замечать. Наверное, настоящий друг и должен быть таким, умеющим просто молчать и не суетиться дружескими проявлениями. Наверное, в отсутствии пустой суеты и рождается тот самый добрый энергетический посыл, который называется дружбой?

Невинные погонялки – Ник и Дэн – они сами себе придумали еще в первом классе. Ник – от фамилии Никитин, Дэн – от имени Денис. Правда, пацаны звали их Чип и Дэйл, по созвучию... Но друг для друга – никаких Чипов и Дэйлов, только Ник и Дэн! И вот, поди ж ты, прижилось... И судьбы

у них похожи, и характеры похожи. И с бабами не везет одинаково. Хотя у Дэна, может, еще и наладится все. Вернется его Алена из Америки, и наладится. Из трех лет ее балетного контракта уже два с половиной проскочило, еще полгода осталось. А что такое полгода? Это ж ерунда! Вчера она ему звонила, кстати... Дэн сопел в трубку, то ли улыбался, то ли просто морщил губы скептически. Но все равно видно было, что страшно доволен. Любит он ее, понятно... Иначе бы просто так на три года не отпустил. А что, имел право встать в позу, жена все-таки! Хотя с этой женитьбой тоже... Сам собой напрашивается законный вопрос: зачем? Зачем было в загс идти и свадьбу играть, если все равно на три года в разные стороны разбежаться? Любовь, что ли, такая сильная? Прямо любовь-любовь? Ладно, через полгода понятно будет. Если любовь-любовь, ее тремя годами все равно не убьешь. А если нет... То на нет и суда нет, другая любовь найдется. А пока...

Пока отсутствие Алены в квартире Дэна для него, для бедного колобка Ника, – спасение. Потому что колобок от жены ушел, колобок от Вики ушел, куда бедному колобку деваться? Можно и к маме с папой, но... Колобок не пацан, чтобы у мамы с папой прятаться и нагружать их своими настроениями. И без того нагрузил выше крыши. Да уж, колобок не пацан, конечно, но сволочь порядочная. Тридцатилетняя такая сволочь, упитанная, тупо сосредоточенная на ожидании одного-единственного звонка...

Да, можно обозвать себя как угодно, любыми словами, и все будет правдой. А телефон молчит. Можно и самому Вике позвонить, конечно. Да, это можно.

Но – нет. Нет и еще раз нет. Хотя на этом продержаться и не позвонить ей первым! Пусть глупый бабий принцип, но хоть это! Иначе ничего не останется! Тем более она все равно должна позвонить... Проходили уже, знаем...

А какие у мамы глаза сегодня отчаянно грустные были, даже вспоминать больно! И хорошо, что отец не проснулся, когда он уходил... Вернее, убегал, как трусливый заяц. Да уж, устроил им веселую жизнь... Одни Ксюхины истерики чего стоят. Ну ладно, Ксюха на него обижена, а мать и отец тут при чем? Они же так Майку любят, а Ксюха им хамит... И с внучкой видаться не дает...

Конечно, с разрывом хреново вышло, грубо, спонтанно как-то. Ксюха сама его к стенке приперла, отступить было некуда. Вдруг обернулась от плиты, глянула востренько, будто ножом резанула:

– Мить... У тебя другая женщина, да? Маленькая худая брюнетка, да? Правильно?

Он поперхнулся борщом, кашлял долго. Уцепился за этот кашель, как за соломинку, пытался время выиграть. Потом вдохнул с хрипом...

– Ты только не ври ничего сейчас, Мить. Я знаю, что это правда. Ведь правда? Ну же, гляди мне в глаза.

Он и глянул. А куда было деваться? Глаза у Ксюхи были

злыми, истерически обвиняющими. И в то же время будто приглашали с испугом – давай, оправдывайся, опровергай...

Не стал он ничего опровергать. И оправдываться не стал. Не смог. Сил уже не было врать.

– Да, Ксюш, это правда...

– Что?! Что ты сказал?

– Да. У меня есть другая женщина.

– Что?! Да ты... Ты... Знаешь, кто ты после этого?

– Знаю.

– А если знаешь, пошел вон отсюда. Прямо сейчас, немедленно. Тебе вещи помочь собрать?

– Не надо. Я сам.

Встал из-за стола, ушел в спальню, распахнул дверцы платяного шкафа, начал выкидывать на кровать свою одежду. В голове – ни одной мысли, один сплошной ужас: что он делает? что?.. И краешком сознания – хорошо, что Маечки дома нет, увезли на выходные на дачу к теще. Объясни-ка ребенку, что происходит... А может, и плохо, что Маечки дома не оказалось. Может, он бы и не ушел...

– И ты вот так... Можешь так спокойно... Собраться и уйти?

Ксюха стояла в дверях, глядела на него с ужасом. Лицо ее дрожало каждой черточкой, казалось, даже зрачки в глазах дрожат.

– Где у нас чемодан, Ксюш, я не помню?

– Ка... какой чемодан?

– Ну, клетчатый такой, с которым мы в отпуск ездим? То есть ездили...

– Мить, ты не посмеешь. Остановись, Мить...

– Я уйду, Ксюша. Правда, так будет лучше. Ты права, я заврался, тебя измучил.

– Погоди. Давай поговорим. Пойдем на кухню.

– Нет. Я уже решил. Прости.

– Да когда ты успел решить?

– Неважно.

– Нет, важно! Важно! Не собирался ты уходить, я знаю. Если бы я не спросила, ты бы ни одного лишнего телодвижения не сделал.

– Но ведь ты спросила.

– И что?

– А я ответил. Правду ответил. Значит, другого выхода у нас с тобой нет.

– Выход всегда есть, Митя.

– Нет, Ксюш. Правда есть, а выхода нет. Да ты и сама все прекрасно понимаешь.

– Что, что я понимаю? Не хочу я ничего понимать! И знать не хочу никакой правды! Считай, что я у тебя вообще ничего не спрашивала!

– Ксюш, ну зачем ты...

– Зачем унижаюсь, да? Ну и что! Хочу и унижаюсь, мое дело! Да мне вообще наплевать... Тем более унижение унижению рознь, Митенька. Уж не думаешь ли ты, что я...

Что ты в принципе можешь меня хоть чем-то унижить?
Не много ли ты о себе возомнил, а?

– Тогда тем более... Зачем я тебе нужен – такой?

– Какой?

– Много о себе возомнивший. Возомнить о себе, я так понимаю, можно только самую капельку, и ту с твоего разрешения, да?

– Не уходи, Мить. Если уйдешь, ребенка больше никогда не увидишь.

– Не надо, Ксюш, пожалуйста. Вот этого не надо. Ты же знаешь, как я люблю Майку и никогда от нее не откажусь.

– Куда, куда ты пошел?!

– За чемоданом. Где у нас чемодан? Хотя какой чемодан, господи... Черт с ним, с чемоданом.

– Митя, не делай этого. Прошу тебя! Ты слышишь, я сама, сама прошу тебя, не делай этого! Это ты меня предал, ты мне изменил, а я... Я прошу тебя! Сама! Я прошу тебя! Я унижаюсь перед тобой, да! Думай как хочешь!

Она уже истерила навзрыд, без конца повторяя это «прошу тебя». Когда он шагнул в проем спальни, вдруг вцепилась в него, как кошка, и пришлось отрывать ее от себя силой, и собственный голос будто со стороны слышался, и дрожал высокими бабьими нотками:

– Ксюш, я не могу. Не могу жить и врать... Не могу, прости. Возьми себя в руки, Ксюш.

Если сказать, что он себя презирал тогда – значит, ничего

не сказать. Он себя ненавидел. И жалкий бабий голос ненавидел, и влажные от напряжения ладони... И когда Ксюша вдруг с размаху залепила ему пощечину, потом другую, осознал вдруг, что это и в самом деле конец. Да, он уходит, уходит.

– Ненавижу тебя, ненавижу. Давно ненавижу! Я тебя никогда не любила, даже когда замуж за тебя выходила, понял? Я тебе врала всегда! А на самом деле...

– Я знаю, Ксюш. Я давно это понял.

– Да что ты вообще можешь знать и понимать?! Пошел вон из моей жизни, предатель! Ненавижу! Ребенка никогда больше не увидишь, я все для этого сделаю!

– Давай потом на эту тему поговорим, когда ты успокоишься. Когда мы оба успокоимся.

– Пошел вон, я сказала! Успокойся он, надо же! Как я теперь буду – одна? Ты об этом подумал? Сколько камней в мою сторону полетит, подумал? И что я своим родителям скажу? А подругам? А на работе? Ты хочешь, чтобы меня все жалели и презирали, да? Сволочь, сволочь...

Он выскочил из квартиры, сбежал по лестнице вниз, презирая себя за трусливую торопливость. Потом шагал по апрельским лужам к машине – в домашних шлепанцах. Да, это было в апреле... Это что же, полгода уже прошло? Как быстро... А кажется, будто вчера...

Митя не успел додумать последнюю мысль, потому что заверещал мобильник. Сердце сначала ухнуло, рвануло к гор-

лу – ага! – потом снова заняло безнадегой, возвращаясь на привычное место. Нет, не то мобильное верещание, не ожидаемое. Не то, не то! Это Ксюша звонит, легка на помине. Принял вызов, проговорил осторожно:

– Да, Ксюш, привет. Как дела?

Нет, все-таки он сволочь. Как-то не так, наверное, надо разговаривать с женщиной, которую обидел. Не в той тональности. Тем более если эта женщина – мать твоего ребенка.

– Не твои заботы, как у меня дела, понял?

– Понял.

Ну вот, и впрямь сволочь. Обиделась. Хамит.

– Никитин, ты про ребенка совсем забыл, да? Тебе что, напоминать надо, что у тебя дочь есть, пяти лет от роду, Мачкой зовут?

– Нет, не забыл. Может, это ты забыла, как я просил тебя дать мне Майку на прошедшие выходные. А ты уперлась.

– Она не вещь, чтобы ее на выходные одалживать. Тем более ты бы все равно ее к родителям сбагрил.

– Ну почему – сбагрил? Некорректное выражение, Ксюш. Они ей не чужие, они ее любят, скучают страшно. И Майка их тоже любит.

– Она не Майка. Она Майя.

– Не придирайся, Ксюш... А в эти выходные как? Отпустишь Майку?

– А у тебя для ребенка только выходные по графику? А в остальные дни – никак?

– Так она же в садике... Нет, я могу, конечно. Могу после работы забрать, а утром...

– Не надо, Никитин. Я уж сама как-нибудь. Мне вообще от тебя ничего не надо, понял? Кстати... Это ты мне на карту деньги вчера скинул?

– Я, кто ж еще.

– Что значит – кто еще? Ты считаешь, больше некому, да? Никому я не нужна, брошенка разнесчастная? Ты так считаешь, да?

– Ксюш... Ну не придирайся к словам.

– А что мне, в благодарностях рассыпаться надо? Спасибо, что ты меня предал? Никогда не прощу тебе, никогда... Если б ты знал, как это больно... Невыносимо больно... Будто нож в спину воткнули.

– Прости, Ксюш. Поверь, мне тоже больно. Прости...

– Да тебе-то с какого перепугу больно! Тебе, я думаю, очень даже хорошо. Мавр сделал свое дело, мавр может уходить! Это я умерла, а ты вполне живой и счастливый, радуешься жизни со своей кикиморой. Кстати, она не сожрала тебя, нет? Говорят, она та еще...

– Перестань, Ксюш. Не надо. Я в своих отношениях сам разберусь.

– Да пошел ты. Даже слушать тебя противно. Фу...

Сигнал отключения захлебнулся, будто еще раз наглядно продемонстрировал Ксюшино «фу». Нет, а чего звонила тогда? Странный какой-то разговор получился. Ни о чем. Раз-

говор-выплеск. Ну, хоть выплеснула, и то хорошо...

Нет, ее можно понять, конечно. Или ему все-таки не понять? Не умещается внутри понимание, потому как места для него не осталось? Все душевное пространство Вике принадлежит? Вернее, у Вики в плену находится? Как же так получилось-то, господи... Как? Как?!

Нет, правда, все же у него нормально было. Обычная жизнь, как у всех. В институте любовь случилась, на пятом курсе поженились. Ксюша была невеста с приданым – отдельно от родителей жила, в своей квартире, доставшейся ей в наследство от бабушки. Вот все в один голос и твердили – счастливый ты, Митя, такую жену себе оторвал... Красавица, умница, хозяйственная. Ну да, не все было гладко, и ссорились, и мирились, и он со временем насобачился находить вполне приемлемые объяснения частым вспышкам Ксюхиного раздражения, и родители в их ссоры и перемирия совсем не вмешивались... Мама, правда, вздыхала часто, глядя на Ксюшу грустными умными глазами, но никогда свою грусть не комментировала. В общем, как-то все катилось-переплюхивалось изо дня в день... Пока не появилась в его жизни Вика. Вернее, пока не ворвалась.

Телефон в кулаке дрогнул, запел то самое, давно ожидаемое. Ну вот и свершилось. Наверное, он эту мелодию будет до конца дней помнить. И слова... Как яростно их выкрикивают на надрыве пара популярных певцов! «Но ведь она не твоя... Хоть с тобой она даже иногда... И бывает...»

Тьфу! Глупые слова, пошлая вкрадчивая мелодия. Но Вика очень хотела, чтобы ее звонки были оформлены этой вкрадчивой яростью. А может, слова и не глупые, и мелодия вполне ничего себе. Может, это он глупо и пошло досадует на себя.

Так. Главное теперь – продержаться. Не сразу ответить, выдержать паузу. Мелочь, конечно, но хоть это. Хоть это, господи, хоть это!

– Да, слушаю... – проговорил тихо, нажав на кнопку включения. – Чего тебе, Вика?

Молчит. Наверное, ей там смешно, как он изо всех сил изображает равнодушие. Вот вздохнула так, будто устала страшно.

– Ники, хватит злиться. Приезжай. Я соскучилась. И ты соскучился, я же знаю. Приезжай.

Ну вот и все. Как всегда. Как всегда, когда он слышал ее низкий с хрипотцой голос. В голове сразу начинал клубиться противный туман, желтый, липкий, горячий, выплывал откуда-то из сердца, из душеньки, искореженной больной любовью. И мысли в тумане плавают, как заторможенные. И слова получаются тоже заторможенные.

– Со-ску-чи-лась? Ты? Не может быть...

– Ники, ну хватит, я же сказала... Ты мне нужен! Приезжай.

Почему-то она звала его по-дурацки – Ники. Как собачку. Поначалу он сердился, потом плюнул. Как-то все равно

по большому счету стало. Как хочешь, так и зови, только в печь не ставь, я и без печи до самого доньшка обгорелый. А еще я заблудившийся в желтом кислотном тумане.

– Только по дороге в магазин заскочи, ладно, Ники? Я есть хочу. Я ничего не ела со вчерашнего дня. И еще в аптеку... У меня горло болит и температура тридцать восемь и два...

И захныкала жалко, капризно, и впрямь с болезненной хрипотцой. И пропела еще на этой капризности:

– Ми-ить... Ну ты же знаешь, как я тебя люблю. Ну что делать, если я такая дура стервозная? Выпью немного – и берегов не вижу, и себя не помню. Со всеми бывает, Мить.

Да уж, со всеми. Все бы так берегов не видели и себя не помнили. В чужие мужские руки навязывались бы, дрались, оскорбляли тех, кто рядом, кто ревнует и злится по праву... Выставила его на посмешище, как всегда. Что ни говори, а весело прошел день рождения у Викиной приятельницы. Всем досталось. И мужу приятельницы, попавшемуся на Викину удочку, и гостям, и всех больше ему позора досталось. Ломился, как бугай, в закрытую дверь ванной комнаты, слушая за спиной истерические женские комментарии – она сама, сама на нем повисла, сама его туда утащила! А он, дурак, повелся... Думал, по-быстрому, и все дела... А Вика своей приятельнице, оказывается, позвонила – мол, мы в ванной будем с твоим мужем... Какая же она стерва, да разве можно так с подругой?!

А он потом привез ее домой, пьяную, разгоряченную

скандалом, бросил в кресло, тут же начал собираться под насмешливые комментарии:

– Но ведь ничего не было, Ники! Успокойся! Я просто пошутила, развлеклась. У них там было ужасно скучно! О, какой зверский взгляд, боже мой... Ой, как страшно, милый... Ты уходишь, да? Ты меня бросаешь? Ой, не могу, умру от горя... Ха-ха... А ты надолго, милый? Ладно, ладно, собирайся, не буду мешать! Дэну привет от меня можешь передать...

Потом ехал к Дэну, прокручивал в голове эту ее глумливую интонацию. И мучился подозрениями: что она в нее вложила? Неужели?! Неужели и Дэн: тоже? Не может быть... Не хватало ему паранойи...

Дэн, помнится, открыл дверь, зевнул, почесал голое пузо, с пониманием глянул на чемодан, откуда сиротливо торчал рукав белой рубашки. Ничего не сказал, повернулся, пошел в глубь квартиры, что могло означать только одно – заходи, мол, располагайся, а я спать пошел.

– Дэн, погоди! – проговорил нервно, шагнув через порог.

– Ну? Чего тебе?

– Скажи мне... Только правду... Ты был с ней, да?

– С кем?

– С Викой, с кем. Ты был с ней?!

– Да пошел ты... – вяло, почти без обиды откликнулся Дэн, моргнув белесыми ресницами. – Совсем уже охренел со своей Викторией. У меня вообще аллергия на таких баб, как она. Хуже крапивницы... Ты в гостиной на диване ло-

жись, ладно? Белье в шкафу, ты знаешь где...

– Знаю, знаю. Ладно, иди ложись. Разберусь...

Наверное, Дэн в глубине души все-таки презирает его за эти уходы-приходы. Конечно, презирает. Он и сам себя презирает. Снует, как челнок, туда-сюда с чемоданом... С желтым туманом в голове... Потерянный мужик. Не мужик, а мужикашка. Не Митя Никитин, а Тряпка Тряпкин. Не Ник, а собачка Ники. Ошметок, выслуживающий любовь вздорной бабы. Список можно продолжить, если захочется. Только зачем? И без того все ясно.

Помнится, когда первый раз уходил, переполненный обидой, держался с достоинством, думал – навсегда. Хорошее было достоинство. Самое что ни на есть достоинство. Аккурат на неделю хватило. Или меньше? Или утром ушел, а через три дня к вечеру сам позвонил, и, не узнавая своего голоса, мурлыкал в трубку, и удивлялся страшно: откуда взялись эти приплясывающие подобострастием нотки? А потом как-то и удивляться перестал... Махнул на себя рукой. Привык. Значит, у него такое достоинство ненадежное, вспыхивает гордыней в один момент, потом быстро деформируется в тоску по этой женщине. В тяжелый и властный туман тоски, не дающий дышать, думать, помнить себя. И будто замедляются все процессы в организме, и сердце стучит через раз, и мысли вяло шевелятся в голове, и тело движется так же вяло, как на киношной пленке в замедленном действии. Лишь один слух обостряется до неприличия, как у гончей собаки, –

ловит зов телефонной мелодии. Той самой мелодии... Она, мол, не твоя, хоть с тобой даже иногда и бывает...

И это называется любовь?! Та самая любовь, ради которой сжигаются все мосты? Да бросьте...

Бросьте, бросьте, ага. Может, еще и вздохнуть, как истеричная барышня? Когда уже к супермаркету подъехал, чтобы продуктов купить? А потом – в аптеку... И вообще, надо успокоиться, взять себя в руки. Как смешно звучит в этой ситуации – взять себя в руки! Ну да, смешно... Кому смешно – пусть смеется. А только любовь, наверное, всякой бывает. Ему такая досталась, вредная, злая, невозможная, на данный момент сильно простуженная. И голодная. Ее надо лечить и кормить... И радость предвкушения этого «лечить и кормить» уже дрожит в горле! И ничего поделать с этой радостью невозможно!

Наверное, он такую любовь заслужил. Только за какие грехи, неизвестно. Может, за Ксюшу?

Вика открыла ему дверь, глянула исподлобья, покусывая воспаленные простудной лихорадкой губы. Потом содрогнулась, кутаясь в плед:

– Я пойду лягу, Ники... Морозит меня... Сейчас температуру померила – тридцать девять уже...

– Может, врача вызвать?

– Какого врача? В девять часов вечера? Нет, я лучше посплю...

– Погоди, не засыпай. Я жаропонижающее купил, сейчас

тебе дам... И чаю горячего...

– Да, чаю бы хорошо. Представляешь, у меня ни чая, ни сахара нет. Вообще ничего нет, хоть ложись и помирай. Такая вот я, безалаберная... Без тебя пропаду...

– Ладно, иди. Сейчас все принесу.

Потом он смотрел, как Вика пьет чай, сидя на кровати в позе лотоса и трогательно держа кружку в обеих руках. Протягивал бутерброд, и она хватала хлебный мякиш с маслом прямо у него из рук, вонзалась в него зубками, как белка. И жевала она тоже, как белка, быстро и сосредоточенно. Поела, вздохнула, свернулась под пледом калачиком. Хотя нет... Калачиком – это не про Вику. Правильнее будет – свернулась змейкой. Заснула, посапывая простуженным носом.

Он долго сидел на кровати, смотрел на нее. Кто же ты есть, чудовище мое окаянное? И впрямь змейка? Или белочка с востренькими зубками? Маленькая шустрая белочка, вызывающая чувство умиления, а на самом деле – обыкновенный грызун? Кто ты, чудовище мое?

И опять на него накатило. Никогда бы он не смог определить это странное чувство – то ли счастливый обморок, то ли наваждение какое. А может, очарование зловредное, несущее в себе сладкую острую боль. Никогда, никогда он не сможет оторваться от этой женщины, пропала его душенька, бедная и несчастная, изгрызенная ее острыми жадными зубками. И это называется любовь? И это – счастье? Нет, это,

скорее, мука мученическая...

Потом на этом ощущении, то ли счастливом, то ли горестном, он и двигался по квартире, наводя мало-мальский порядок. Сварил куриный бульон, досмотрел футбол по телевизору, принял душ...

Когда осторожно лег рядом, Вика шевельнулась, просто-напросто хрипло во сне. И тут же напряглась, прижалась горячим телом, и сердце громынуло внутри, запуская бешеный ток крови. Змейка, змейка... Какое гибкое, гладкое, сильное и прекрасное тело...

И последний мелькнувший страх – не пропасть бы совсем в этом сплетении жадных тел, не раствориться в окаянном и ненасытном желании, как в серной кислоте. Но ведь любовь не может быть серной кислотой, не может... Или может? Черт ее поberi, эту проклятую любовь!

* * *

Пробуждение было счастливо бездумным. Если судить по горькому опыту, утреннего бездумья хватит как минимум на полчаса. Но и полчаса – тоже время! Можно представить себе, что эти полчаса растягиваются на весь день, до вечера, до следующей нежно безумной ночи... И не настигнет горькое похмелье правды, и снова затеплится надежда – в который уже раз! – что да, такая вот у них любовь. Какая есть, такая есть.

Но ведь настигнет похмелье. Бездумье иссякнет, накатит правда, рассмеется глумливо в лицо – чего ты себе придумал? Ты ничтожество! Слабак! Рогоносец! Ты же прекрасно знаешь, что было на том дне рождения. Твоя любимая хорошо развлеклась там! И на десерт к развлечению сама устроила скандал. Потому что ей нравится, когда скандал. Ей хорошо в скандале. Твоя любимая сама по себе скандал... А ты – всего лишь игрушка в руках скандальной вздорной бабы! Но разве ты такой? Ведь ты не такой... Опомнись, приятель...

Ничего, ничего. Если принять холодный душ, сварить крепкий кофе, то жить можно. Правда боится холодного душа и крепкого кофе. Прячется на время. И жить хочется. И верить, что все не так. Не так, не так... А как?

Вика крепко спала, выпростав из-под одеяла ступню. У него вдруг сжалось и сильно застучало сердце в болезненном умилении – захотелось взять в ладони эту маленькую ступню, и держать долго-долго, и ни о чем не думать... Сидеть на полу в позе лотоса со ступней в ладонях и раскачиваться, как китайский болванчик...

Ожившая внутри правда усмехнулась – а что, я не удивлюсь, и до этого скоро докатишься. Между прочим, на работу опаздываешь... Не забыл, что тебе нужно работать, что у тебя, кроме болезненного умиления, еще и жизненные обязанности есть?

Да, есть обязанности, никуда не делись. Приличные, меж-

ду прочим, обязанности, хорошо оплачиваемые. В приличной, между прочим, конторе. Он этих обязанностей много лет добивался, шел к ним по карьерной лестнице и работал не по принципу «отвяжись», а с интересом, с душой и на совесть. Каждый новый проект – как праздник. Нацеленность на результат. И трудно, и весело, и сам себя страшно уважаешь – ура, получается! И за пределами этого рабочего «получается» все как надо... Квартира, машина, жена и ребенок и выходные на даче у родителей жены... Баня, шезлонг, дымок от шашлыка, коньячок с тестем. Да, хорошее было время. Ничего не осталось. Нет, работа осталась, конечно, но прежний азарт ушел. Сделал ручкой. Не захотел присутствовать в новых жизненных обстоятельствах. Обиделся, наверное.

Не утерпел-таки, наклонился, коснулся губами Викиной ступни. И выскочил в прихожую, хлопывая себя по карманам – не забыл ли чего. Телефон, ключи от машины, борсетка-портфельчик... Этот смешной портфельчик ему Вика подарила. В те дни, когда все только-только начиналось. Когда думалось – вот она, настоящая любовь, подарок судьбы...

На улице накрапывал дождь. Ветровое стекло машины было облеплено мелкими березовыми листьями. Странный был двор у Викиного дома – в основном березы росли. Нет, красиво, конечно... Березы лучше, чем тополя, нежнее выглядят. Но в городе смотрятся как бедные деревенские родственницы на чужом празднике жизни. Так и хочется пред-

ставить под ними парнишечку в косоворотке и с баяном наперевес – эхх... Отчего так в России березы шумят? Отчего белоствольные все понимают?

Да, странное у него с утра настроение – цинично поэтическое. Не к добру. Хотя чего в последнее время к добру-то? Вон только со двора выехал, сразу в пробку попал... А не надо было Викины пяточки нацеловывать, надо было выходить раньше!

По длинному офисному коридору мчался как ветер. Не бегом, конечно, но очень быстро. Навстречу попалась Маринка Леонидова из финансовой группы, деловая блондинка себе на уме, улыбнулась нежно. Да, Маринка такой улыбкой не каждого награждает. Если бы не его нынешнее убитое душевное состояние, обязательно ударился бы с этой Маринкой в офисный флирт, в это безобидное развлекалово, нежно щекочущее самооценку сторон, в нем участвующих. Не более того. Ксюха, помнится, всегда его ревновала к офисным красоткам. Не всерьез, конечно, а так, чтобышний раз обозначиться статусом права собственности. А Вика не ревнует. Совсем...

Кстати, надо ей позвонить. Нет, не сейчас, позже... Сейчас она еще спит, выпростав голую ступню из-под одеяла...

Надо же, далась ему эта ступня! Не думать, не думать! Вон работы невпроворот, не знаешь, за что в первую очередь взяться! Завал, полный завал!

Ближе к полудню Вика сама позвонила. Как всегда, не во-

время. Его шеф к себе вызвал, и противная мелодия из мобильного выкатилась аккуратно перед начальственной дверью. Пришлось шарахнуться в сторону, кося глазами на секретаршу, пролепетать торопливо в телефон:

– Я тебе потом перезвоню, Вика, ладно? Я к шефу...

– Да какой, потом! Ники, мне сейчас надо! Ты слышишь?

– Что случилось, Вик?

– Что, что! У меня деньги на карточке кончились, вот что!

Сбрось мне денег, Ники!

Срочно!

– Не понял... А ты где? Ты не дома?

– Нет, я туфли себе покупаю!

– Туфли? Какие туфли? Ты же болеешь, у тебя температура высокая!

– Да, болею, и что? Одно другому мешает? Сбрось деньги, Ники! Мне расплатиться надо! Я же не думала, что они такие дорогие, зараза... Даже на ценник не глянула...

– Вика, я не могу сейчас. Меня шеф вызвал. Проект горит...

– Да к черту шефа, к черту проект! Мне срочно нужны деньги, ты что, не слышишь?

Он уже вдохнул глубоко, собираясь выдать что-нибудь резкое и тем самым осадить ее истерику, но не успел. Дверь кабинета открылась, явив сердитое лицо шефа.

– Я долго тебя буду ждать, Дмитрий? Может, потом со своей бабой поговоришь? О туфлях, о температуре... А?

И усмехнулся нехорошо – зло и презрительно. Да, все правильно. Наверное, он все это заслужил. И злость, и презрение, и «бабу с туфлями и температурой».

Молча шагнул в кабинет к шефу, выключив Вику на полуслове и стыдливо сунув телефон в карман брюк.

– Давай-ка, Дмитрий, поговорим... Серьезно поговорим. Да ты садись, садись.

– Да. Слушаю вас, Игорь Владимирович.

– Нет уж, это я тебя слушаю, Дмитрий. Может, объяснишь наконец, что с тобой происходит? Ты устал? Ты болен? Может, тебе помощь нужна? Не узнаю тебя, совсем не узнаю. Вон проект завалил... Мне что, другого куратора вместо тебя назначить?

– Нет, не надо, Игорь Владимирович. Я... Я сам справлюсь.

– А чего лепечешь, как баба? И в глаза не смотришь?

– Я справлюсь, Игорь Владимирович!

– Ну, вот это уже другое дело. Узнаю прежнего Дмитрия. А то, блин... Сидит размазня какая-то... Но совещание по проекту все-таки проведем. Кто у тебя в команде? Макс, Лена, Олег? Зови всех сюда...

Совещание – это хорошо, конечно. Раньше он и сам любил такие совещания под лозунгом «как из ничего сделать что-то». Неожиданные смелые предложения, искрящиеся интеллектом глаза. Как выразилась однажды секретарша шефа, извиняясь перед кем-то в телефонную трубку: «Игорь Вла-

димирович занят, у него мозговой шторм...» Так и привязалось накрепко это выраженье. Не «шторм», а именно «шторм». Зашкаливает волной, когда много хороших мозгов в одном месте собирается.

Ему бы радоваться, дураку, что выплывает проект из провала общими усилиями. Ребят благодарить, что ведут себя вполне корректно, виноватым его не делают. Но вместо радости – опять эта чертовщина... Картинка одна и та же в голове прокручивается, как стоит Вика у кассы, в одной руке телефон, в другой – коробка с туфлями. А из телефона льются гудки отбоя. Он хоть и отгоняет эту картинку, а она опять... Да что такое! И в самом деле, на чертовщину смахивает! Еще и вечером обязательно истерику закатит...

Не было вечером никакой истерики. Вика была спокойна, как сытый удав. Ходила по комнате в неглиже и в новых туфлях, прищипывала языком у зеркала.

– Посмотри, Ники... Правда, прелесть? Это единственная модель, ни у кого таких больше нет. Никаких денег не жалко.

– А где ты, кстати, деньги взяла? У тебя ж не было.

– Ну...

Обернулась от зеркала, подняла на него томный взгляд. Помолчала немного, будто раздумывая над вариантом ответа. И выдала, конечно же, в своем духе:

– Глупый вопрос, Ники... Красивая женщина всегда найдет, кого осчастливить мелкой просьбой.

– Да? И кто ж сподобился на такое счастье?

– Какой ты ревнивый, однако. А что, мне нравится, когда ты такой. Да ладно, не смотри на меня так, я ж не Дездемона какая-нибудь.

Я у Дашки денег взяла. Дашкин папик, между прочим, свою девочку никогда без денег не оставляет. Ей даже звонить и просить не надо, он сам обо всем заботится.

– Понятно. Только я не папик, Вика.

– А кто ты? Нет, правда... А кто ты мне, Ники? Ну же, обозначься хоть как-нибудь. Жених? А что, романтично звучит... Я помню, как ты меня замуж звал, помню. А сейчас почему не зовешь, а, Ники? Боишься меня, да? Я плохая, да? Маме и папе не нравлюсь? Не хотят мама и папа звать меня на семейные пироги? Ну же, сделай мне еще раз предложение, Ники.

Она наступала на него, как кошка. Голосок звучал вкрадчиво, глаза блестели черным антрацитовым светом, как из бездны. О, он хорошо знал этот блеск... Эти сполохи загорающегося дикого желания, цепляющего за горло удавкой.

– ...А лучше я сама... Сама сделаю тебе предложение... Ты еще не догадался, какое предложение я хочу тебе сделать, а, Ники? Прямо сейчас, сию секунду.

До постели они так и не добрались. Рухнули на ковер, торопливо выдергивая себя из одежды. Впрочем, Вика и так была практически раздета. Когда Митя почувствовал судорогу ее нетерпеливых пальцев, расстегивающих пуговицы на его рубашке, вдруг ощутил знакомый промельк страха –

не пропасть бы в ненасытности этой бабы, как в серной кислоте. Хотя и было в этом страхе что-то постыдное – вроде не пристало нормальному мужику... Да и какой там страх, в его-то дурацком безвыходном положении? Когда завяз коготок – и всей птичке конец? Когда уже все равно по сути, что серная кислота, что яблочное повидло.

Через полчаса, выходя из ванной, услышал в коридоре Викин веселый голос. И вяло насторожился – с кем это она? Потом вспомнил: сам же заказал пиццу по телефону. Выглянул в коридор... И оторопел.

Таким же оторопелым был и доставщик пиццы, прыщавый худосочный паренек в оранжевой фирменной бейсболке. Зато Вика чувствовала себя великолепно – в нижнем белье и в новых туфлях. Стояла перед бедным пареньком, показывая себя в лучшем ракурсе, словно модель на фотосессии.

– Эй, ты чего уставился, пацан? Ты ослеп и оглох? Я спрашиваю, пицца свежая или разогретая? Говори честно.

– Да, разогре... Ой, то есть свежая, конечно...

– О господи... А чего так обомлел-то? Женщин в трусах не видел? Давай сюда свою пиццу... И выйди из ступора, а то рухнешь тут, у меня в коридоре.

Забрав из рук пацана коробку, Вика модельной поступью отправилась на кухню, бросив на ходу:

– Ники, рассчитайся! Только чаевые не давай, пицца наверняка разогретая!

Пацан, забирая деньги, глянул на Митю то ли с уважением, то ли с жалостью. Вроде того – ну и баба. Попал ты, мужик.

Когда он вошел на кухню, Вика сидела за столом, красиво положив ногу на ногу и уперев локти в столешницу, жевала пиццу, задумчиво глядела в окно.

– Зря я туфли замшевые купила... Осень же. Дожди. Надо было кожаные брать... Пока до машины идешь, ничего от них не останется... Как думаешь, Ники, а?

– Вик, я не понимаю... Зачем ты этот эпатаж устроила?

– Ты о туфлях?

– Нет. Я о доставщике пиццы. Обязательно надо было в неглиже идти дверь открывать? А халатик накинуть – не судьба?

– Я не держу в доме халатов, ты же знаешь. У меня только кимоно есть, но оно по цвету к туфлям не подходит. И почему нельзя в неглиже? По-моему, очень красиво.

– Да. И по цвету к туфлям подходит.

– Вот именно! И чего тут иронизировать, не понимаю!

– Правда, не понимаешь? Или придуливаешься? А как быть с элементарными правилами приличия? Они не в счет?

– Ой, не смей меня... Перед кем приличия соблюдать? Да этому пацану на месяц вперед хватит счастливых воспоминаний! Красиво же! Если я сама себе нравлюсь, пусть и другие оценят. А тебе что, жалко, да? Ты такой эгоист, Ники, да?

– Не называй меня Ники.

– Почему?

– Звучит пошло.

– Да брось... Наоборот, красиво звучит, по-моему. И не злись, пожалуйста.

– Я не злюсь.

– Нет, злишься. И все время ко мне придираешься. Не хочешь принять меня такой, какая я есть! А я другой никогда не буду, никогда, как ты этого не понимаешь? Никогда не буду ходить в халате и соблюдать твои пресловутые правила приличия. У каждой женщины свои приличия и свои правила. Кому хорошо и уютно в халате – ради бога! А мне нравится мое тело. Как хочу, так и живу, понял? Ешь, а то остынет, невкусно будет.

Вика говорила и сердито рвала пищу на куски, глядела, как тянутся вслед за пальцами тонкие паутинки сыра. Ухватывала зубами очередной кусок, снова тянула медленно, пока паутинки, истончившись, не обрывались. Казалось, она находит в этом занятии странное удовольствие. Вдруг, помолчав немного, произнесла совсем другим голосом:

– Знаешь, моя мать была такой... В халате. И вечно непричесанной. И в тапках-шлепанцах. Бегала бегом по квартире – шлеп-шлеп, шлеп-шлеп... Зато хозяйшккой была, пайншкой. Все время отцу в рот заглядывала в ожидании, что он ее похвалит. А он никогда не хвалил. Наоборот... Будто стыдился, что ли.

– Стыдился? Почему?

– Не знаю. Не любил, наверное. А она его ужасно любила. И ничего, кроме снисходительного пренебрежения, от него не видела. Представляешь, как это должно быть ужасно – жить в постоянном снисходительном пренебрежении?

– Твоя мать умерла, ты говорила...

– Да, она умерла. Что-то у нее там по женским делам было... Опухоль какая-то. Врачи ей сказали – надо еще родить. Ну, она родила Соньку, мою сестру. А только не помогло, все равно умерла. Мне шестнадцать было, Соньке три года. Отец женился через месяц. И с новой женой совсем по-другому себя вел. Никакой снисходительности и никакого пренебрежения, даже близко. Никогда, никогда ему этого не прощу! Лучше бы бросил маму, чем... Ведь это он ее убил. Ой, да ну тебя! Сейчас реветь начну...

Она и впрямь всхлипнула, выставив перед глазами растопыренные масляные пальцы, проговорила сдавленно:

– Салфетку влажную дай. Там, на подоконнике, есть упаковка...

Митя молча подал ей салфетку, вздохнул виновато:

– Ну я же не знал... Ты мне никогда не рассказывала.

– Ну вот, сейчас рассказываю! Какая разница? Говорю тебе, что я никогда не буду ходить в халате и смотреть в рот ни одному мужику тоже не буду! Даже ради любви не буду! Ты знаешь, я ведь потом, после маминой смерти, дневник ее нашла... Зачем-то она вела дневник своих унижений.

Наверное, рассказывать о них было некому. Или стыдно было. Жаль, что я его не сохранила, сейчас бы показала тебе. Ты бы сам почитал, как она мучилась... Любила и мучилась! И терпела. И чем больше терпела, тем сильнее он ее унижал... Придурок. Ненавижу его. Никогда ему не прощу, никогда!

Митя слушал Вику, не перебивал. И вообще, растерялся немного. Потому что знал – она довольно часто звонит отцу, нахально клянчит у него денег, называет «любимым папулей». А тут вдруг – ненавижу! Не сочеталось одно с другим. Или ей стыдно говорить отцу о своих обидах? Да уж... Никто и никогда не знает, что происходит у любого человека внутри. Может, этим и объясняется Викина внешняя надрывная неуравновешенность? Вот и сейчас, наверное, ей надо просто выговориться.

– Отец ведь в Германии живет, правда? – спросил Митя осторожно, только чтобы поддержать нить нечаянного откровения.

– Да, в Германии, в Нюрнберге. Его туда новая жена увезла, к своим родственникам. Она и меня звала. Но я не поехала, потому что... Теперь ты знаешь почему. И сестру Соньку я уже восемь лет не видела. Наверное, большая уже. Знаешь, как это больно, когда... когда... Нет, ты не понимаешь.

– Я понимаю, Вик. Не плачь, пожалуйста... Хотя, если тебе так надо, поплачь. Ну иди ко мне, моя девочка, я тебя пожалею...

Вика удобно устроилась у Мити на коленях, всхлипывала тихонько, влажно щекотала горячим дыханием шею. А у него сердце растекалось жалостью и любовью, и странное чувство легкости появилось, похожее на самооправдание – теперь, мол, понятно, отчего она такая. Все теперь объяснилось, и хорошо, и дальше все будет хорошо.

– Я пойду лягу, Ники, ладно? Устала сегодня... – длинно вздохнула Вика, всхлипнув последний раз. – Еще и горло болит, и снова температура поднялась... Потрогай, какой лоб горячий! А ты мне ромашкового чаю принесешь в постель, ага? И таблетки?

– Принесу, конечно. Иди...

– И пиццу съешь. Ты же голодный.

– Ладно...

Вика медленно пошла к двери, чуть сгорбившись и косяком переступая ногами в новых туфлях. Митя вздохнул, глядя ей вслед – бедная, бедная девочка... Наверняка тяжело жить с таким грузом на сердце. Невыносимо тяжело. Он бы, например, даже на минуту представить себе не посмел, каково это – испытать подобное чувство к отцу... Или к маме... Да не приведи бог! И как тогда жить? И как во всем этом Вика жила и живет? Надо бы помочь ей как-то...

Через полчаса, глядя, как она сосредоточенно, маленькими глотками пьет горячий ромашковый чай с медом, он неожиданно для себя, но довольно твердо проговорил:

– Надо его простить, Вик. Для себя самой надо, понима-

ешь? Он же не виноват, что не любил. Надо, надо простить.

– Кого? – подняла Вика затуманенные глаза, с явным сожалением отрываясь от процесса чаепития.

– Отца, говорю, надо простить.

– О господи, Ники! А ты что, и впрямь поверил?

– В смысле?! – испуганно отстранился он, чувствуя, как заныло истомно больным предчувствием где-то под ребрами. – Это что же... Это ты все придумала, да? Про отца? Но как же... Зачем, Вика?! С какой целью, не понимаю. Объясни.

– С какой целью, с какой целью... Да ни с какой целью. Не заводись, понял? Ну, придумала и придумала! Вдохновение нашло, вот и придумала!

– Зачем?! И при чем тут... вдохновение?

– Ну как бы тебе объяснить... Сама не знаю. Просто взял и сложился такой сюжет в голове – мгновенный. Куда было его пристроить? Вот я и выдала тебе.

– Про отца?!

– Ну, про отца... И что? Понимаешь, это я как бы репетирую, что ли... Сюжеты нащупываю. А состарюсь, выйду в тираж и буду романы писать. Видишь, как лихо у меня получается? Ты же поверил! Проникся! Ведь проникся, правда? Хорошая писательница из меня получится?

– Да уж... Не знаю, что тебе и сказать. Значит, ты все-все сочинила. И про мачеху, и про Нюрнберг...

– Нет, стоп. Вот это как раз чистая правда, отец с маче-

хой и сестрой действительно в Германии живут. И что мама умерла, когда мне шестнадцать лет было, тоже правда... Только она обыкновенно умерла, от рака груди.

– Хм... Обыкновенно, значит... Ну да...

– Я имею в виду, без тех моральных страданий, которые я тебе живописала. Все у них с отцом нормально было, он ее уважал и любил. Она, знаешь, такая была женщина знойная, палец в рот не клади. Ой, я сейчас тебе один случай расскажу, ты умрешь со смеху.

– Может, не надо?

– Да почему? Думаешь, опять сочиняю, да? Нет, вовсе не сочиняю! Чистая правда. Да такое и придумать нельзя... Ну, чего ты на меня так смотришь? Садись, слушай. Никому никогда не рассказывала, тебе первому...

– Ладно, давай... – вяло махнул Митя ладонью, опускаясь рядом с ней на кровать.

– Ага... Только я сначала про маму расскажу, какая она была. Представь себе женщину, довольно красивую, уверенную в себе, которая, как настоящая русская баба, тащит на себе всю семью... Работает на двух работах, по магазинам носится, вкусный обед готовит, ребенка воспитывает. И чтоб налево куда сходить – это ни-ни, даже не обсуждается! И вот однажды она узнает... Да, помню, мне лет десять было, когда папочка загулял. Да и не то чтобы серьезно загулял, а так, завел интрижку. Ну, и попался по неопытности, конечно. То да се, в ноги к маме упал, начал проше-

ния просить... И ты представляешь, что мама сделала? Думаешь, страдать начала и упреками захлебываться? Не-ет... Она решила из этой ситуации пользу извлечь, как в женских журналах пишут, для дома, для семьи. Взяла отца за ухо, повела к той бабе, с которой он загулял, и предъявила ей счет по полной программе. Самый что ни на есть материальный счет, выраженный в определенных денежных знаках. Вот, мол, дорогая, платите за оказанные сексуальные услуги, которые вы из моей постели нагло и вероломно вытащили. Ах, не хотите платить? Ну, тогда я кое-чего из имущества в счет долга реквизирую... Вот, например, у вас люстра шикарная какая, мне нравится... И заставила отца люстру с потолка снимать, представляешь? Да, он подставил стульчик и начал снимать...

– Вик! Ты опять сюжет придумала, скажи честно? По-моему, ты увлеклась. Так не бывает.

– Нет, это на самом деле было, мне мама рассказывала. Она объяснила, что специально так отца унизила. Чтобы через его унижение себе самооценку поднять, чтобы не чувствовать себя ущербной. Я, говорит, семью спасала... Потому что если женщина в семье унижена и ущербна, то это уже не семья. А так... Унижения обоим досталось поровну, все по справедливости. Мудрая у меня была мама, правда?

– Не знаю... По-моему, это уже не мудрость, это мазохизм какой-то. Представляешь, что чувствовал твой отец, когда в доме у той женщины люстру откручивал? Ведь у них отно-

шения какие-то были, может, даже любовь... Он ее обнимал, целовал, слова нежные шептал... А потом люстру откручивать полез! Как так?

– А так ему и надо! Мужиков жалеть – себя не уважать. Да и не чувствовал он ничего такого, я думаю... Когда мама умерла, он через месяц женился, даже более прилично-го срока для траура не выдержал. Нет, я его не осуждала... Жизнь есть жизнь. Тем более он мне квартиру оставил... И его новая жена не возражала и на квартиру не претендовала, когда они в Германию уезжали. А им там первое время туго пришлось, между прочим. Безденежно. Пока работу нашли... Ну, сам понимаешь.

– А ты почему с ними не поехала?

– Почему, почему... Не захотела и не поехала. У меня здесь дела были... И любовь была, большая и светлая. Да, Ники, меня всегда любили мужчины. А ты ревнуешь опять, да? Или... Чего ты на меня так смотришь?

– Как?

– Нехорошо, вот как. Мне не нравится. Будто я чудовище какое-то, а не твоя любимая женщина.

– А ты и есть чудовище.

– Значит, ты любишь чудовище?

– Да. Выходит, что так...

– Но почему, Ники? Почему я чудовище, что я такого сделала? Ну, присочинила немного! Я ж тебе объясняю – у меня писательский талант внутри сидит и коготками скре-

бется. Может, из меня потом выйдет классная писательница любовных романов? Или нет! Лучше любовных детективов! Буду сочинять про коварных женщин-убийц... И все они у меня будут снаружи ангелами, и фиг догадаешься, что они убийцы... И мужчины будут по ним сходить с ума. Да, я думаю, из меня классная детективщица выйдет! Ты еще будешь мною гордиться, Ники!

– Нет, не выйдет из тебя писательницы, Вика.

– Почему-у-у... – обиженно протянула она и моргнула, надув губы.

– Потому что ты не писательница, Вика. Ты актриса. Причем пошлая и бездарная. Такое придумать про свою покойную мать... Она ж, наверное, в гробу перевернулась, бедная.

– Ты... Ты ханжа! Брось ханжить, Ники! Тем более ты мне поверил!

– Да, поверил. Но это... Это по меньшей мере нечестно – использовать чужое доверие.

– Честно, не честно... Какая разница? Главное – результат... А писатели – они те же актеры... Если не вжился в образ, не пропустил ситуацию через себя, ничего хорошего не получится. В общем, мой талант неоспорим, а остальное уже – детали... Да, Ники, да! Такая я и есть! Красивая, необычная, талантливая! А иначе ты бы в меня не влюбился! Потому что ты сам из таких...

– Из каких?

– Ну... Ты тоже необычный. Не такой, как все. И тебе то-

же все это необходимо... Чтоб и страдание, и сумасшествие, и любовь... Чтобы не прощать и проклинять, а потом снова любить с утроенной силой...

– Ты... Ты правда так считаешь?

– Конечно! А почему ты тогда от жены ушел? На мой зов и ушел. Не мог не уйти, это ж понятно... Да, ты такой, Ники. И я люблю тебя именно таким. И ты меня любишь – такой. Это судьба, Ники, сопротивление бесполезно. Мы всегда, всегда будем вместе. Ну, иди же ко мне... Я люблю, люблю тебя, милый.

Когда Вика через неделю пропала, Митя не поверил, что вся их жизнь опять покатилась по обычному кругу. И думать про это «опять» не хотелось. Хотя с утра все было как всегда... Он уходил на работу, Вика наградила его сонным поцелуем в губы, снова завалилась спать. А с обеда перестала отвечать на звонки. Дома ее тоже не оказалось. Прошел долгий томительно беспокойный вечер, наступила ночь.

В таких случаях всегда лезут в голову плохие мысли. Страх за близкого человека выступает на первый план и начинает звенеть в голове натянутой струной – что-то случилось, что-то случилось! В аварию попала, машиной на переходе сшибло, бандиты напали в темном переулке, кирпич на голову упал... Такой страх богат вариациями, и каждая рисуется правдоподобнее предыдущей. Еще и неизвестность подстегивает, сочтется ядовитыми секундами-каплями.

К ночи Митя устал ждать звонка. Если бы Вика могла по-

звонить, давно бы уже позвонила. Значит, не может. Надо было что-то делать, конечно. Разыскивать. Звонить куда-то, кому-то. А кому звонить? В морг? Нет, лучше сначала подругам.

Никто ему не ответил. Кто будет отвечать на звонок какого-то Мити во втором часу ночи? Тем более особо близких подруг у Вики не было, таких, чтобы встревожились вместе с ним. Была одна, Даша, но она тоже не ответила на вызов.

А в три ночи телефон заверещал сам. Ага, все-таки Даша...

– Привет, Митя. У меня твой непринятый вызов... Что-то случилось, да?

– Да, случилось. Вика пропала. На звонки не отвечала целый день, до сих пор ее нет.

– А ты, значит, беспокоишься?

– Конечно, беспокоюсь! Что за странный вопрос, Даша! Вдруг с ней что-то случилось?

– Да ничего с ней не случилось, Мить... Не жди, ложись спать. А еще лучше... Еще лучше, знаешь, что?

– Что?

– Брось ее к чертям собачьим, Мить. Вот от души говорю. Ты же совсем, совсем из другого мира. Странно, как ты вообще в эту историю вляпался. Жалко мне тебя. Найди в себе силы и брось. Ты хороший, Митя, ты добрый, тебе другая женщина нужна, тоже хорошая и добрая. А рядом с Викой... Уж не обижайся, конечно... Ты рядом с ней – как не пришей

кобыле хвост.

– Погоди, Даш... Ты что, знаешь, где она сейчас находится, да? – проговорил он в трубку, чувствуя, как больно звенит в голове, как вонзается острый горячий нож между лопатками.

– Знаю, конечно. Но тебе не скажу. Хватит и того, что сказала.

– Она... Она с другим, да?

Даша вздохнула так тяжело и безысходно, будто с дебилом разговаривала. Чего, мол, тут еще переспрашивать? Неужели до сих пор непонятно?

– Кто он, Даша? Скажи!

– Да какая тебе разница кто... Если я назову имя и фамилию, это что-то изменит по большому счету? Да и не назову я тебе ни имени, ни фамилии, потому что сама не знаю и знать не хочу.

– Ладно... Понятно. Спасибо, Даша.

Митя хотел было отключиться, но Даша вдруг заговорила торопливо:

– Мить, ну ты это, не переживай так, пожалуйста. Поверь, не надо свою мужскую самооценку терзать, ты тут вообще ни при делах. Фу, не то говорю, неправильно. То есть пытаюсь тебя убедить, что это вовсе не измена с ее стороны. Просто так получилось... Она должна была, понимаешь?

– Нет, не понимаю. Кому и что она должна?

– Господи, ну как бы тебе объяснить...

– Говори прямо, Даша. Как есть.

– Ну, если прямо, то должок за ней оставался. По крайней мере, Вика так считает... А любые долги следует отдавать.

– Какой должок?

– Обыкновенный. Из прошлой жизни. У таких девушек, как Вика, всегда есть прошлое.

– Она... была проституткой, да?

– Фу, Митя! Зачем так грубо? Нет, это занятие не для Вики. И вообще, как ты мог подумать такое про свою девушку? Ты ж ее знаешь, она бы никогда не подчинилась чужой воле... У нее и самой воли сколько угодно, любого может уничтожить. А еще ей страшно нравится после всего посыпать голову пеплом и кокетничать – ах, мол, какая я бяка, плохая девочка... Ах, я в ответе за того, кого уничтожила... Ведь поверженным и уничтоженным так сладко дарить минуты счастья, согласишься!

– И кому она дарит эти минуты? Можешь имя назвать?

– Хм... А может, еще и адресок предоставить? Ай, Митя, Митя... Ну что ж ты такой настырный-то, а? Иногда не следует заглядывать туда, куда тебя не приглашают... А еще иногда лучше не знать всей правды. Тем более тебе.

– Правда есть правда, Даша. Лучше знать, чем не знать. Тем более ты сама позволила мне туда заглянуть.

– Ну, заглянул... И что? Увидел, что все в человеке не так, как тебе хотелось бы, и удовлетворишься этим. И хватит. Вика такая, какая есть, и другой не будет. Но ведь ты ее такой

и полюбил, правда?

– Скажи, Даш, а...

– Все, больше ничего не скажу! И без того много сказала. Получается, сдала подругу с потрохами. А ведь не хотела! Все, все, Мить, не спрашивай меня больше ни о чем... И не перезванивай, все равно не отвечу...

Отключилась. Оставайся, жалкий Митя, один на один с полученной информацией. Делай с ней что хочешь. Можешь на хлеб намазать вместо масла, можешь просто так переварить.

А лучше иди-ка ты спать, жалкий Митя. Теперь уж все равно, теперь уж все ясно. Хотя вряд ли удастся уснуть. Лучше занять себя чем-то, чтоб голова болью не звенела. Но пусть лучше болью звенит, чем изнывает в желтом тумане. И да, надо пойти вещи собрать. В который уже раз...

Вика заявила под утро. Стояла в коридоре, пьяная и бледная, глядела с вызовом.

– Ну? Спроси меня, где я была? Чего молчишь? А может, ударить хочешь? Ну же, ударь...

– Не буду, Вика. Пусти, я ухожу. Вот ключи, видишь? На полочке, у зеркала. Пусти.

– О-о-о... Уже и вещички собрал, да? Как быстро. Или с прошлого раза не успел разобрать? Ой, не могу, как смешно! А может, я у подруги была, а? Может, она болела, а я за ней ухаживала? Г... Горчичники ставила...

– Ну да. Горчичники. Хорошая деталь для нового сюжета.

Ты запиши, а то забудешь. Сочинительница.

– Да, я сочинительница! А ты никто, понял? Никто, и не мужик даже. Я в тебя плюю, а ты облизываешься. Дай воды, не видишь, мне плохо?

– Это мне плохо. А тебе очень хорошо, Вика. Все, я пошел. Прощай. И не звони, я все равно отвечать не буду.

– Ой, ой, как страшно... Ничтожество, Тряпка Тряпкин! Ненавижу тебя. Навязался на мою голову, никак не отвяжешься. И ведь не уйдешь, я знаю! Пальчиком поманю – и прибежишь. Нет, не мужик. Дерьмо собачье. Ой, как мне плохо-то, господи... Спать пойду...

Митя аккуратно захлопнул за собой дверь, нажал на кнопку лифта. Но дожидаться его не стал – очень хотелось на воздух. Быстро спустился вниз.

Уже пели птицы. Утро было ясным, нежно-желтым, промытым ночным дождем. В такое утро хорошо выходить со счастливой душой, не испоганенной дерьмом собачьим.

Ключи от машины?! Неужели забыл? Нет, слава богу, вот они... Возвращаться было бы невысказанно. И в прошлый раз так же казалось – невысказанно. Заколдованный круг для дерьма собачьего. Для Тряпки Тряпкина. Для кого еще там? Для ничтожества? Для «не мужика»? Огласите весь список, пожалуйста?

Интересно, а выпить у Дэна есть?

Он никогда раньше не понимал выпивающих. Тех, кто уходит надолго в запой. Нет, понятно, когда с друзьями вечером посидеть, расслабиться в удовольствие... Но когда появляется жуткая потребность вливать в себя алкоголь не для того, чтобы ощутить дополнительно радостные оттенки жизни, а наоборот, убить в себе эту самую жизнь прямо с утра... И чтобы вместе с оттенками. И чтобы ничего, вообще ничего не было. И чтобы днем быть убитым, и вечером.

Уж тем более ночью.

Кстати, алкогольный сон, замешанный на отчаянии, похож на смерть. Ну, или на желание смерти. А как еще назвать состояние, когда любой звук извне вызывает досаду и болезненную тоску? И даже телефонные позывные... Ну что, что? Кому я нужен? Я ведь умер, нет меня...

– Да, слушаю...

– Дмитрий, это ты?

– Да, я, Игорь Владимирович. Здравствуйте.

– А что у тебя с голосом? Ты болен, что ли?

– Да... Да, я болен. Простудился, температура высокая.

– Понятно... А чего не позвонил, не предупредил? Мы еще вчера тебя потеряли. И сегодня с утра ребята телефоны оборвали, ты не отвечал. У тебя точно все в порядке, Дмитрий? Ну... кроме простуды? Уж больно голос у тебя

странный, совсем убитый.

– Да, у меня все в порядке. Спасибо.

– Ладно, выздоравливай. Проектом пока Макс займется вплотную. Я тебе даю неделю, слышишь, Дмитрий? Нет, лучше две недели. Но у меня есть одно условие. Или просьба, не знаю... Расценивай как хочешь. В общем, или ты приходишь в прежнее деловое рабочее состояние, или... Или нам не по пути. Ты меня понял, надеюсь?

– Да, Игорь Владимирович, понял.

– Не обижаешься?

– Нет.

– Ну и ладно. Конечно, не хотелось бы с тобой расставаться. Просто у меня другого выхода нет.

– Я понял, понял.

– Ладно, лечись. Пока.

– До свидания...

И минуты не прошло – снова звонок. Мама... Митя прокашлялся на всякий случай, ответил, как самому показалось, довольно бодренько:

– Доброе утро, мам!

– Ну, наконец-то! Ты почему трубку не берешь? Отец тебе весь вечер звонил...

– Батарея разрядилась, я не увидел. Извини.

– А что у тебя с голосом? Ты болен? Или... Что с тобой, сынок? Тебе плохо?

– Да все в порядке, мам...

– А ты где сейчас? У Дениса? Извини, я вчера звонила твоей Вике... Просто ты весь день не отвечал на звонки, и я беспокоилась... И она мне сказала... В общем, неважно, что она мне сказала. Ты у Дениса, Мить, да?

– Да.

– Хорошо, сынок. Я сейчас приеду.

– Зачем? Не надо!

– Надо. Тем более я уже еду. Вернее, уже подъезжаю. У меня на сегодня учебных часов больше нет, только факультатив вечером. У вас продукты какие-то есть? Я суп успею сварить.

– Продукты? Не знаю, мам... Да не надо ничего... А который час?

– Половина пятого.

– Сколько?!

– Ладно, понятно. А продукты я куплю. Сейчас выйду из автобуса, зайду в супермаркет.

– Не надо ничего, мам...

– Ладно, через двадцать минут буду. Жди. – И она отключилась.

«Надо вставать, срочно приводить себя в мало-мальский порядок, – думал Митя. – Побриться, рожу холодной водой умыть, душ принять. Нет, на душ времени не хватит... Лучше убрать бардак на кухне, пустые бутылки спрятать. Хотя прячь не прячь... И без того все понятно. Боже, как стыдно-то! Особенно перед мамой! Выходит, он со вчерашнего

утра в отключке? А в зеркале-то страх смотреть! Зеленая рожа похмельная...»

Анна, увидев сына, быстро сглотнула комок, подступивший к горлу. И улыбнулась как ни в чем не бывало. Протянула Мите пакеты, проговорила весело:

– Неси на кухню. Сейчас кормить тебя буду.

И выдохнула, когда он, повернувшись к ней спиной, побрел на кухню. Потом снова втянула в себя воздух... Да, так и есть. Пьянствовал сынок, причем основательно. Ни с чем не спутаешь этот прогорклый душок человеческого несчастья, упадка и слабости. Анне хотелось заплакать, выкрикнуть в спину Мите свою материнскую досаду... Но она сдержалась. Это было бы слишком просто. Слишком по-бабьи. Не для того она сюда ехала.

Встала у зеркала в прихожей, отрепетировала бодро-веселое выражение лица. И улыбку, обязательно улыбку!

Черт, ничего не получается. Лицо само едет вниз, губы дрожат, не слушают отдаваемых приказов к бодрости и веселью. Организм же актерскому ремеслу не обучен, от противного играть не умеет. А зря! Всякое умение хоть раз в жизни да пригождается!

– Надо еще раз попробовать, через силу, – велела себе Анна. – Вдохнуть, задержать дыхание, прогнать слезы из горла. В конце концов, мать ты или кто? Зачем тогда приперлась?

Вот так... И улыбка нормальная получилась. Пусть будет позитив, хоть и суррогатный.

– Мить, я куриный супчик сварю, ладно? Где у вас кастрюля? Ага... А разделочная доска? Может, пока бутерброд будешь? Я колбасы докторской купила и сыру!

– Нет, мам, не хочу. Да ты сядь, не суетись, пожалуйста, мне и без того страшно неловко... Скажи лучше, как папа себя чувствует?

– Да ничего, нормально.

– Нервничал вчера из-за меня? Ну, что я на звонки не отвечал?

– Да, было дело. А сегодня утром до Дениса дозвонился и успокоился. Хотя из твоего Дениса тоже слова не вытянешь... Молчит как партизан или мычит что-то нечленораздельное. Ой, вчера нам еще Ксюша звонила...

– И что?

– Да все как обычно. Голос раздраженный, хамит...

– А чего хотела-то?

– Да ничего она не хотела, сынок. В смысле, ничего особенного, все то же самое. Ты же понимаешь, ей накопившуюся энергию обиды надо выплеснуть. Она еще долго будет на тебя обижена, очень долго...

– Понятно. А почему тебе-то звонит? На меня бы и выплескивала.

– Так ты ж на звонки вчера не отвечал.

– А... Но это же не значит, что тебе надо хамить.

– А кому? Я в данном случае сыграла роль приемника.

– Ладно, я потом с ней поговорю...

– Не надо. Она позже перезвонила, извинилась.

– А Майку на выходные отпустит?

– Да я просила, конечно... На что Ксюша ответила – пожалуйста, мол, но только в моем присутствии. И на нейтральной территории. Так что, может быть, в зоопарк пойдем в эти выходные... Будем там гулять – я, папа, Ксюша и Мачека. Все соблюдено, получается, и нейтральная территория, и присутствие. Можешь и ты приходить, если так. Придешь?

– Приду.

– Только без Вики, пожалуйста. Если Ксюша увидит... Представляю себе, что она устроит...

– Мам, не надо про Вику! Вообще не надо! Никогда! Пожалуйста!

– Хорошо, хорошо. Я поняла, сынок. Поняла... – произнесла Анна смиренно, тихо радуясь Митиной гневной эмоции. Пусть хоть что-то, лишь бы не эта энергия отчаяния, сдобренная запахом перегара.

Наверное, перебрала она с позитивным смирением. Слишком высокую ноту взяла. И пауза образовалась неловкая, нервная какая-то. И Митин вопрос прозвучал тоже нервно, с надрывом самоуничтожения:

– Вот скажи мне, мам, только честно... Ты сейчас думаешь – я к ней все равно побегу, да? Подожду денька два-три, помучаюсь... И побегу, да? Ты ведь презираешь меня за это, правда? Я ведь слабак? Ну, если честно, мам?

– Нет, сынок. Почему я должна тебя презирать? Нет. И я

знаю, что ты никогда не был слабым. Ты и сейчас не слабый. Просто... Просто тебе не повезло. И я уверена – ты сумеешь выскочить из всего этого... Рано или поздно. Сумеешь...

– Не плачь, мам.

– Я не плачу. Видишь, я лук режу.

– Давай лучше я.

– Нет, я сама. Буду резать лук и плакать. И вот что я тебе скажу, Митенька, сынок дорогой! Не занимайся-ка ты самоубийством, вот что! История, в которую ты попал, она... Как бы тебе сказать... Более опасна, чем ты себе представляешь. Это со стороны легко рассуждать – мол, брось эту вздорную бабу, и все! Точно так же можно посоветовать утопающему – дыши глубже, гребь руками и выплывешь! Да, посоветовать и дальше пойти. Еще и плечиком пожать в недоумении: чего этот утопающий, не слышит, что ли? Нет, сынок, не все так просто с этой Викой... Она сирена особенная...

– Кто? Сирена?

– Ну да... Помнишь, в греческой мифологии? Сирены, полудевы-полуптицы, хищные красавицы с головой и телом прекрасной женщины, с когтистыми лапками, с божественно-манящим голосом... А твоя Вика – она вообще Сирена с большой буквы. Не знаю, какой у нее голос, но природная энергетика точно манящая. Вернее, злобно приманивающая, пожирающая, гипнотическая... Да, именно так. Ей удалось тебя приманить и загипнотизировать. Ты ее добыча, Мить,

она тебя никогда из своих когтистых лапок не выпустит, пока не наиграется, не выпьет все соки, не изведет до степени ненадобности. Да, никогда, если ты сам не предпримешь попыток. Тебе самому как-то спастись надо, самому. Потому что, когда она тебя выпустит, это будет значить, что ты уже ни на что не годен. Самому надо... Кстати, мне вчера Лена Симонова звонила... Она считает, что на тебя сделан элементарный приворот. Ты же помнишь Лену, мою приятельницу? Она очень верит во все это... Сказала, надо тебя к знахарям вести. И даже договорилась с одной знахаркой, адрес мне дала... Ну, чего молчишь? Как ты на это смотришь?

– Да какой приворот, мам? Не говори ерунды. Даже странно от тебя слышать такое, ей-богу.

– А что? Хоть какое-то действие... Нельзя ждать у моря погоды. Ну, может, знахарки эти... Как правильно сказать-то, не знаю... Извини, что я об этом говорю, но... Хотя бы твою болезненную сексуальную зависимость снимут. Вика же тебя и на этом держит, согласись? Ведь любая сверхзависимость – своего рода болезнь, Мить...

– Мам, прекрати! Правда, не добивай меня, а?

Мне и без того тошно. Еще сопلي мне подотри и на горшок отведи. Не ожидал от тебя...

– Ладно, прости. Я и впрямь не туда сунулась. Может, и туда, но именно я, как мать, не вправе... Прости! Я всего лишь пытаюсь вытащить тебя из этого ада.

– Да ничего. Я понимаю. Спасибо тебе, конечно, но...

Лучше не надо. Я сам попал в этот ад, ни у кого совета и разрешения не спрашивал, значит, мне самому из него и выбраться надо. Если оттуда вообще можно выбраться. Да, сам зашел во врата...

– Хм! А ты, кстати, помнишь у Данте, что было написано на вратах ада? Расхожее такое выражение?

– Оставь надежду, всяк сюда входящий? Так, кажется?

– Да. Все правильно. А только у меня одна ученица есть, Варечка Тихонова... Способности у нее средненькие, но амбиции – будь здоров. Так вот, эта самая Варечка приспособила недавно эту фразу как эпиграф к сочинению. И знаешь, как она ее нечаянно интерпретировала?

– Как?

– Оставь одежду, всяк сюда входящий...

– Да, смешно.

– Ну, мы тоже в учительской потом веселились. Хорошее, мол, предостережение для ада – оставь одежду. Особенно для влюбленных мужчин годится. А теперь я думаю – зря веселились-то. Девочка не так уж и не права была...

– И все равно – смешно. Не более того.

– Ладно, не сердись, я больше не буду. Закроем эту тему.

– Да, закроем.

– Значит, в выходной точно придешь в зоопарк?

– Приду. Я по Майке жутко соскучился.

– И я... Вот и погуляем все вместе. Правда, боюсь, Ксюша твоего появления не одобрит. А может, наоборот, а? Мо-

жет, тебе попробовать как-то помириться с ней? Вернуться в семью с покаянной головой. Перешибить свою болезнь новыми заботами, отработкой вины. Глядишь, в процессе и от наваждения своего избавишься.

– Нет, мам... Я бы рад, но не могу. Будто колючей проволокой душу скрутило. И каково будет Ксюхе со мной – таким? Нет... Это еще хуже... Получается, будто я ее использую в своих целях. Нет...

– Да я понимаю, сынок. Да, понимаю... А может, Вика и впрямь тебя приворожила? Сейчас, говорят, это модно, многие женщины к знахаркам ходят. Именно такого плана, как Вика, и ходят.

– Да перестань, мам... Решили ведь, что к этой теме не возвращаемся! Что мы ходим все по одному и тому же кругу? Да, я понимаю, ты хочешь мне помочь, но...

– Да, я очень хочу тебе помочь, сынок. И не перебивай, дай право на эмоцию. Да, разговаривать можно сколько угодно и кругами ходить сколько угодно, но в конечном итоге надо же все равно что-то делать, Мить. Не сидеть сиднем, не пить водку! Ну скажи, как тебе помочь, как? И почему именно ты, а не кто-то другой?.. Почему именно ты?.. Почему? Почему?

Анна вдруг испугалась, услышав истерические нотки в своем голосе. Повернулась от плиты, держа в руках доску с нарезанной для супа картошкой. Одна картофельная долька не удержалась, упала на пол, и Анна испуганно посмотре-

ла себе под ноги. Потом – на сына...

Митя сидел на кухонном табурете, зажав ладони меж колен, покачивался едва заметно. Казалось, будто и не услышал никаких истерических ноток. И вообще, казалось, не воспринимал ничего, приходящего извне.

– Сынок... Ну что ты?.. Слышишь меня, Митенька?

Митя вздрогнул, поднял на мать мутные глаза, втянул голову в плечи. Подавленный. Униженный. Никакой.

Анна хотела было шагнуть к нему в порыве, но он ее опередил, выставил упреждающим жестом ладонь:

– Мам, не надо. Прошу тебя.

– Да что ты, сынок, я не... Я вот суп варю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.